

Оформление начальной полосы
Оформление концевой полосы
Титульные элементы книги (2)

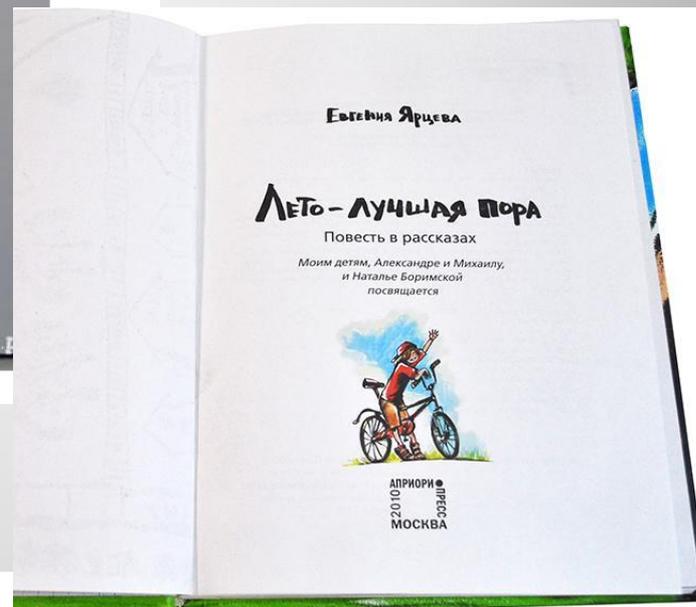
КОМПОЗИЦИЯ ИЗДАНИЙ

- Титульный лист может быть дополнен графическими изображениями (титульными заставками)

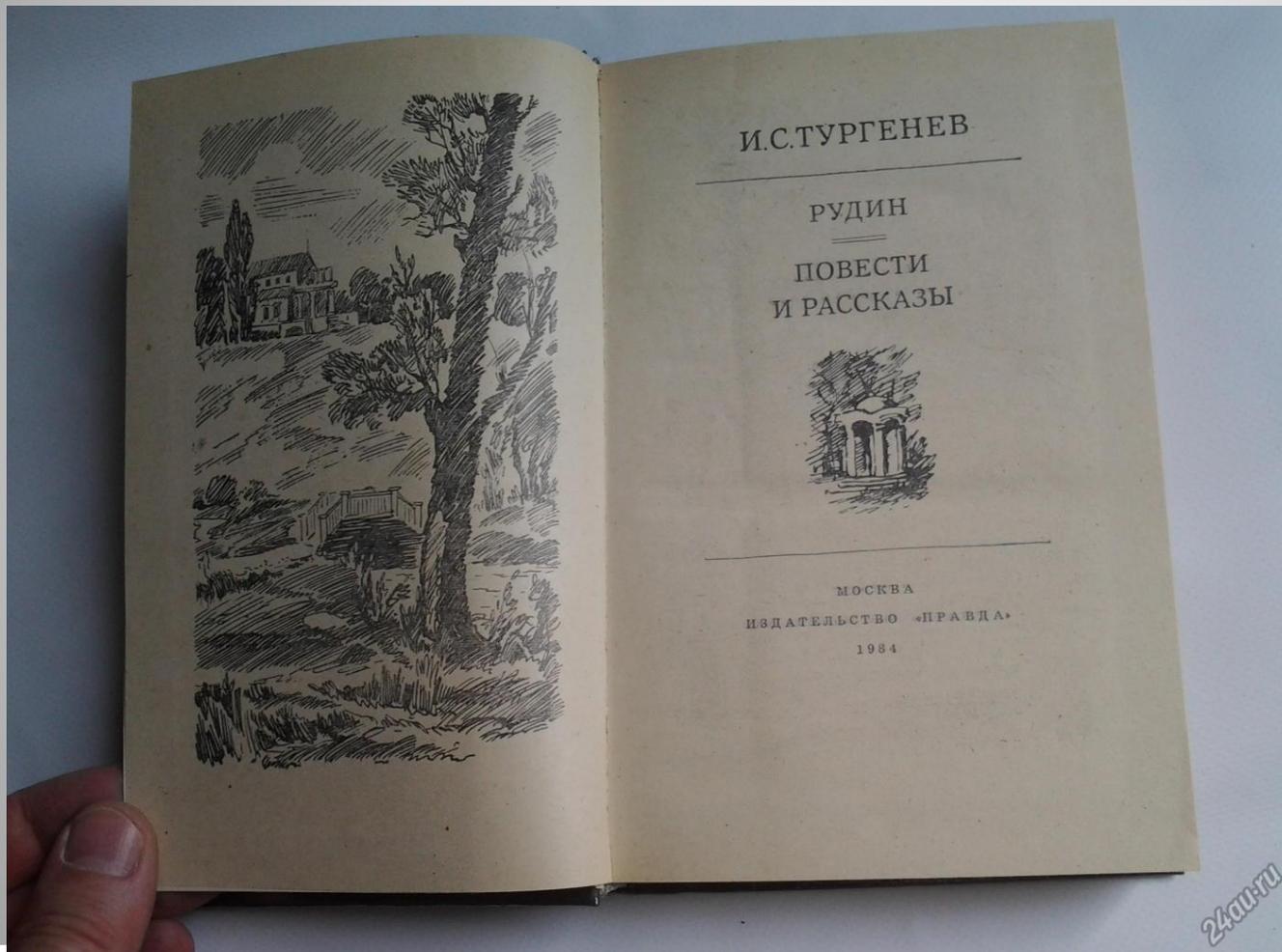
фронтиспис

заставка

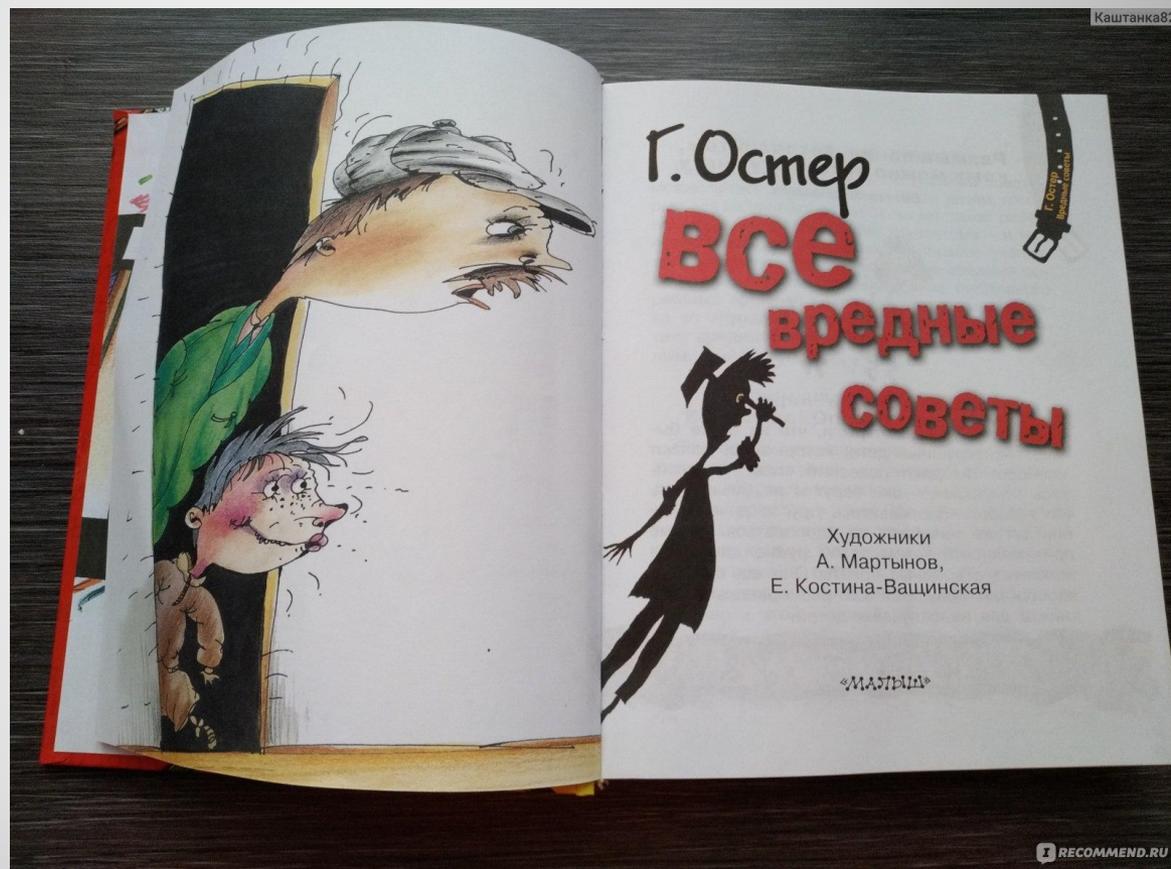
- В титуле могут использоваться линейки

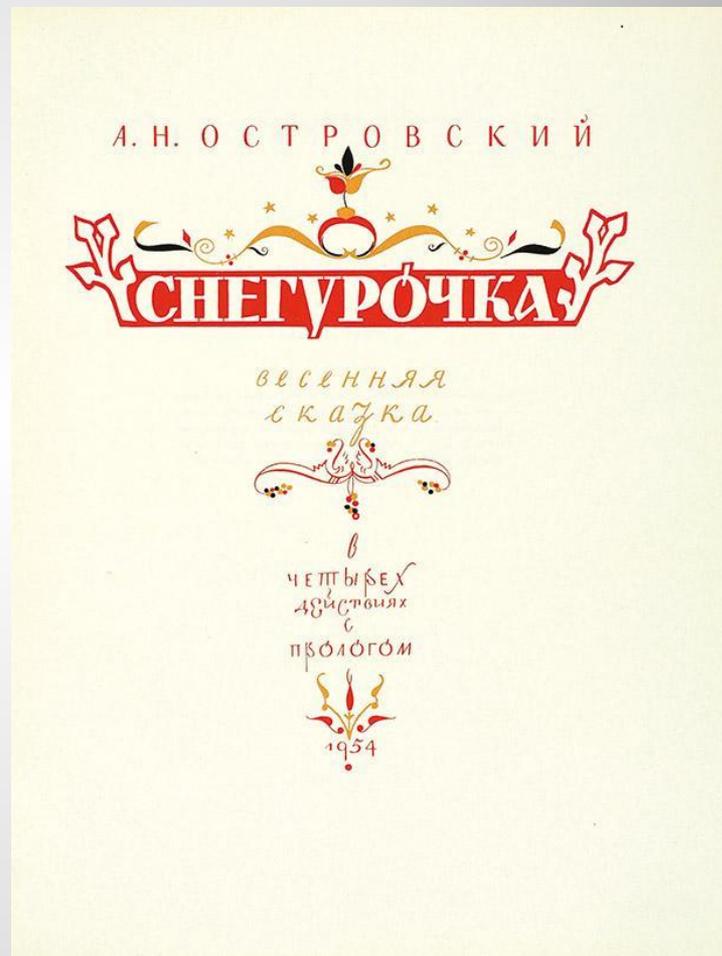
- В титуле может быть использован акцидентный шрифт для заголовочных данных. Графические изобразительные элементы могут располагаться довольно свободно, если это необходимо для поддержания общего стиля издания

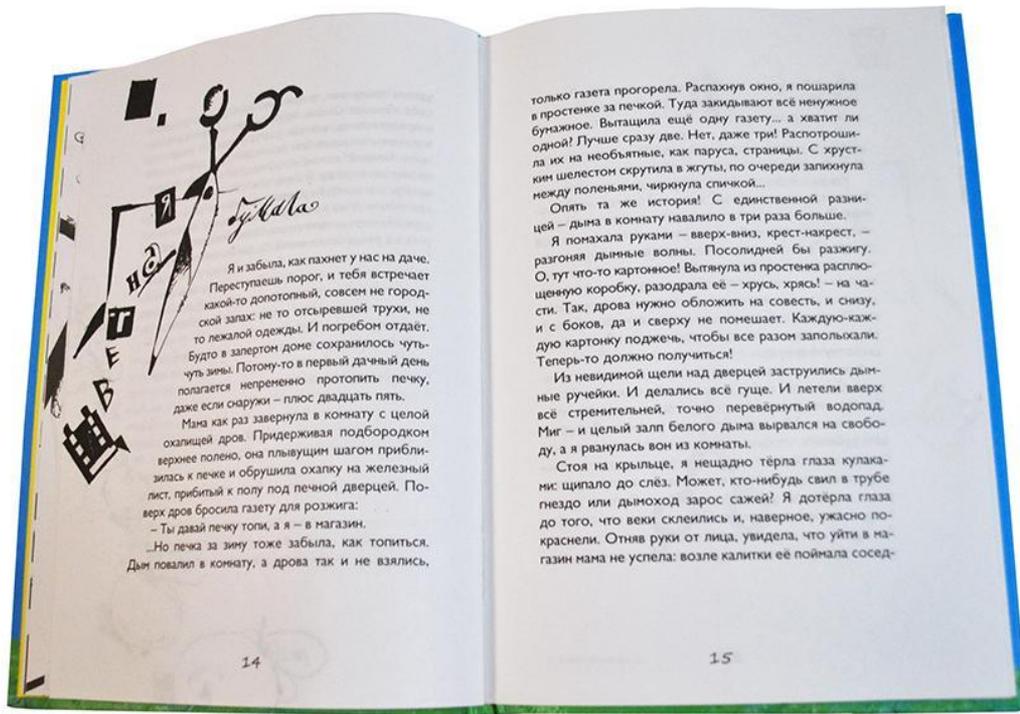
Графические изобразительные элементы могут располагаться довольно свободно, если это необходимо для поддержания общего стиля издания

- Силуэт элементов титула может быть вписан в треугольник с главным акцентом в области Золотого сечения

Примеры бокового спуска

только газета прогорела. Распахнув окно, я пошарила в простенке за печкой. Туда закидывают все ненужное бумажное. Вытащила ещё одну газету... а хватит ли одной? Лучше сразу две. Нет, даже три! Распотрошила их на необъятные, как паруса, страницы. С хрустящим шелестом скрутила в жгуты, по очереди закинула между поленьями, чиркнула спичкой...

Опять та же история! С единственной разницей — дыма в комнату навалило в три раза больше.

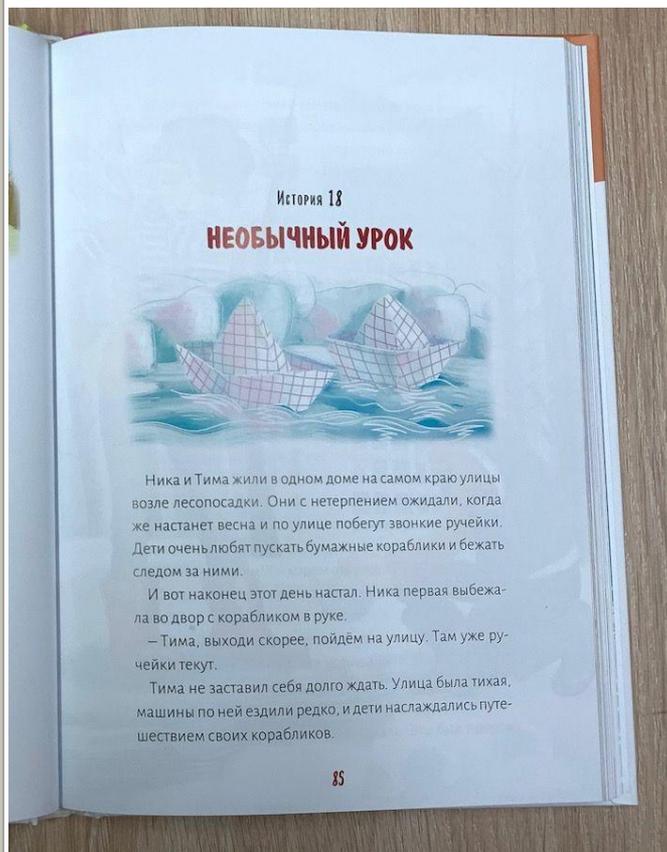
Я помахала руками — вверх-вниз, крест-накрест, — разгоняя дымные волны. Последней бы разжигу. О, тут что-то картонное! Выгнула из простенка расплюсченную коробку, разодрала её — хрюс, хрюс! — на части. Так, дрова нужно обложить на совесть, и снизу, и с боков, да и сверху не помешает. Каждую-каждую картонку поджечь. Теперь-то должно получиться!

Из невидимой щели над дверцей заструились дымные ручейки. И делались всё гуще. И летели вверх всё стремительней, точно перевернутый водопад. Миг — и целый зал белого дыма вырвался на свободу, а я рванулась вон из комнаты.

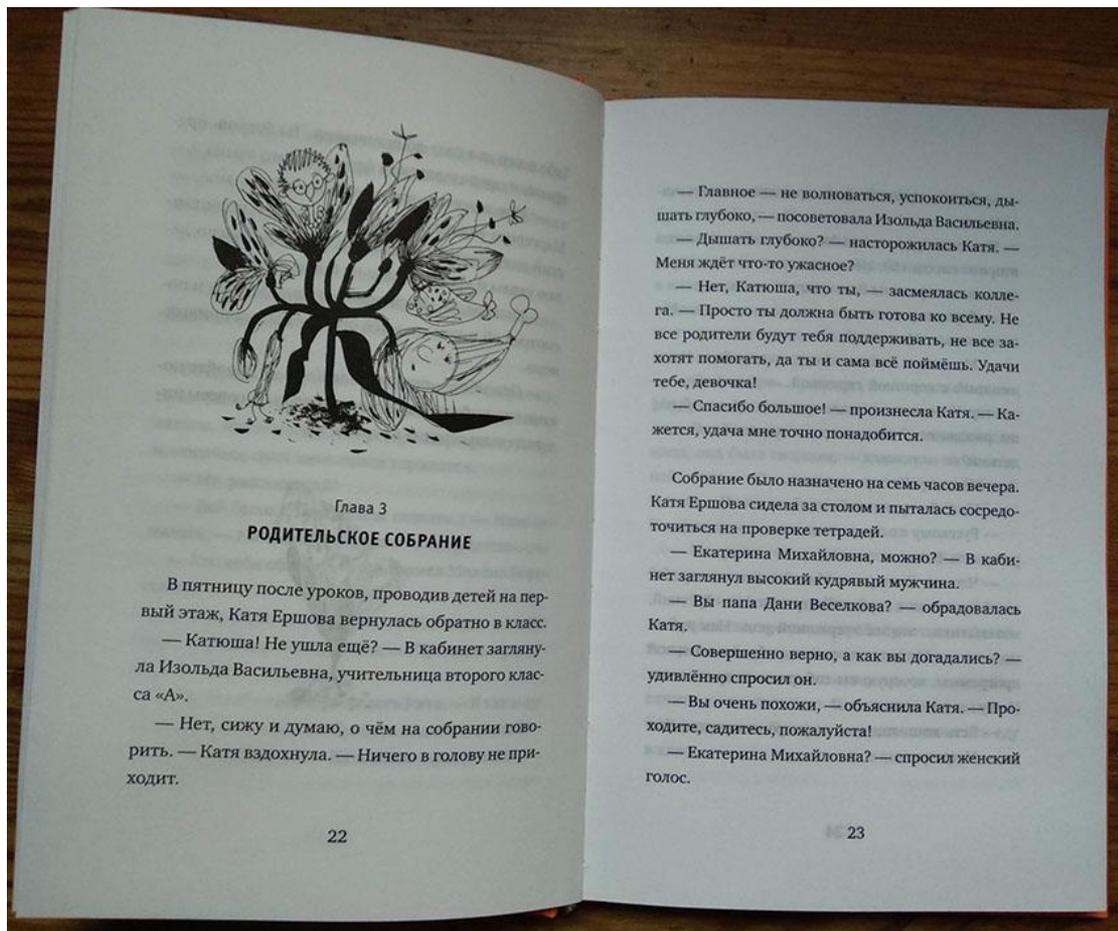
Стоя на крыльце, я нещадно терла глаза кулаками: щипало до слез. Может, кто-нибудь свил в трубе гнездо или дымоход зарос сажей? Я дотёрла глаза до того, что веки склеились и, наверное, ужасно покраснели. Отняв руки от лица, увидела, что уйти в магазин мама не успела: возле калитки её поймала сосед-

Вёрстка текста, колонцифр, размер заставки, её возможное расположение, размер полей

Вёрстка текста, колонцифр, размер заставки, её возможное расположение, размер полей

Примеры работ студентов РПК

Эпилог

Юношу звали Сантьяго. Было уже почти совсем темно, когда он добрался до полуразвалившейся церкви. В ризнице по прежнему рос сикомор, а через дырявый купол, как и раньше, видны были звезды. Он вспомнил, что однажды заночевал здесь со своей отарой, и, если не считать сна, ночь прошла спокойно

Сейчас он снова был здесь. Но на этот раз он не пригнал сюда овец. В руках у него была лопата.

Он долго глядел на небо, потом вытащил из котомки бутылку вина, сделал глоток. Ему вспомнилось, как однажды ночью в пустыне он тоже смотрел на звезды и пил вино с Алхимиком. Подумал о том, сколько дорог уже осталось позади, и о том, каким причудливым способом указал ему Бог на сокровища. Если бы он не поверил снам, не встретил старую цыганку, Мелхиседека, грабителей...

"Список получается слишком длинный. Но путь был отмечен вехами, и сбиться с него я не мог", - подумал он.

Незаметно для себя он уснул. А когда проснулся, солнце было уже высоко. Сантьяго стал копать под корнями сикомора.

"Старый колдун, - подумал он об Алхимике, - ты все знал наперед. Ты даже оставил второй слиток золота, чтобы я мог добраться до этой церкви. Монах рассмеялся, когда увидел меня, оборванного и избитого. Разве ты не мог меня избавить от этого?"

"Нет, - расслышал он в шелесте ветра. - Если бы я предупредил тебя, ты не увидел бы пирамид. А ведь они такие красивые, разве не так?"

Это был голос Алхимика. Юноша улыбнулся и продолжал копать. Через полчаса лопата наткнулась на что то твердое, а еще час спустя перед Сантьяго стоял ларец, полный старинных золотых монет. Там же лежали драгоценные камни, золотые маски, украшенные белыми и красными перьями, каменные идолы, инкрустированные бриллиантами, - трофеи завоеваний, о которых давным давно забыла страна, добыча, о которой ее владелец не стал рассказывать своим детям.

Сантьяго вытащил из сумки Урим и Тумим. Они лишь однажды, в то утро на рынке, пригодились ему: жизнь и без них давала ему верные знаки.

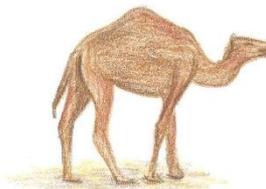
Он положил их в ларец - это тоже часть его сокровищ: камни будут напоминать ему о старом царе, которого он никогда больше не встретит.

"Жизнь и в самом деле щедра к тем, кто следует Своей Стезей, - подумал он и вспомнил, что надо пойти в Тарифу и отдать десятую часть старой цыганке. - Как мудры цыгане! Должно быть, оттого, что много странствуют по свету".

Он снова ощутил дуновение ветра. Это был "левантинец", прилетевший из Африки, но на этот раз он не принес с собой запах пустыни, не предупреждал о нашествии мавров. Теперь Сантьяго различил в нем такой знакомый аромат, звук и вкус медленно приближавшегося и наконец осевшего у него на губах поцелуя.

Юноша улыбнулся: то был первый поцелуй Фатимы.

- Я иду,- сказал он, - иду к тебе, Фатима.

Малахитовая шкатулка

Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитова осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду. Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собирался.

Настасья в сиротстве росла, не привыкла к экому-то богатству, да и не шибко лобительница была моды выводить. С первых годов, как жили со Степаном, надевывала, конечно, из этой шкатулки. Только не к душе ей пришлось. Наденет кольцо... Ровно как раз впору, не жмет, не скатывается, а пойдет в церкву или в гости куда - замается. Как закованный палец-то, в конце нали посинеет. Серьги навесит - хуже того. Уши так оттянет, что мочки распухнут. А на руку взять - не тяжелее тех, какие Настасья всегда носила. Буски в шесть ли семь рядов только раз и примерила. Как лед кругом шеи-то, и не согреваются нисколько. На лоди те буски вовсе не показывала. Стыдно было.

- Ишь, скажут, какая царица в Полевой выискалась!

Степан тоже не понуждал жену носить из этой шкатулки. Раз даже как-то сказал:

- Убери-ко куда от греха подальше.

Настасья и поставила шкатулку в самый нижний сундук, где холсты и протча про запас держат. Как Степан умер да камешки у него в мертвой руке оказались, Настасье и причтелось ту шкатулку чужим людям показать. А тот знающий, который про Степановы камешки обсказал, и говорит Настасье потом, как народ схлынул:

Погоревала, конечно, Настасья, да тоже не от силы. Танюшка-то, вишь, хоть радетельница для семьи была, а все Настасье как чужая.

И то сказать, парни у Настасьи к тому времени выросли. Женились оба. Внучата пошли. Народу в избе густенько стало. Знай поворачивайся - за тем догляди, другому подай... До скуки ли тут!

Холостяжник - тот долше не забывал. Все под Настасьиными окопками топтался. Поджидали, не появится ли у окопечка Танюшка, да так и не дождались.

Потом, конечно, оженились, а нет-нет и помянут:

- Вот-де какая у нас в заводе девка была! Другой такой в жизни не увидишь.

Да еще после этого случано заметочка вышла. Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали.

Алисе надоело сидеть на пригорке рядом с сестрой и ничего не делать. Раза два она заглянула украдкой в книгу, которую читала её сестра, но там не было ни разговоров, ни картинок. «Какой толк в книге, – подумала Алиса, – если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Потом она стала раздумывать (насколько вообще это возможно в такой невыносимо жаркий день, когда одолевает дремота), стоит ли ей вставать, чтобы пойти нарвать маргаритки и сплести веноч, или нет, как вдруг Белый Кролик с розовыми глазами пробежал мимо неё.

В этом не было, конечно, ничего особенного. Не удивилась Алиса и тогда, когда Кролик пробормотал себе под нос:

– Ах, боже мой, я опоздаю!

Думая об этом впоследствии, Алиса не могла понять, почему же она не удивилась, услышав, что Кролик заговорил, но в тот момент это не показалось ей странным. Однако, когда Кролик вынул из жилетного кармана часы и, взглянув на них, побежал дальше, Алиса вскочила, сообразив, что никогда ещё не случилось ей видеть Кролика в жилете и с часами. Сгорая от любопытства, она бросилась за ним и успела заметить, как он юркнул в кроличью нору под живой изгородью.

Алиса последовала за ним, даже не подумав о том, как она выберется оттуда.

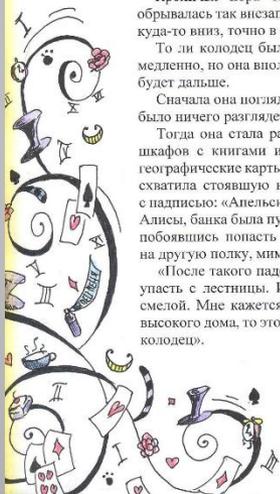
Кроличья нора сначала была прямая, как тоннель, но потом обрывалась так внезапно, что Алиса не успела опомниться, как полетела куда-то вниз, точно в глубокий колодезь.

То ли колодезь был уж очень глубокий, то ли Алиса падала слишком медленно, но она виюне успела осмотреться и задуматься о том, что же будет дальше.

Сначала она поглядела вниз, но там было так темно, что невозможно было ничего разглядеть.

Тогда она стала рассматривать стены колодезя; на них было много шкафов с книгами и полок с посудой, а кое-где висели по стенам географические карты и картины. Пролетая мимо одной из полок, Алиса схватила стоящую на ней банку. На банке был бумажный ярлычок с надписью: «Апельсиновый джем». Однако, к величайшему огорчению Алисы, банка была пуста. Сначала она хотела просто бросить банку, но, побоявшись попасть кому-нибудь в голову, ухитрилась поставить её на другую полку, мимо которой пролетала.

«После такого падения, – думала Алиса, – мне уж не страшно будет упасть с лестницы. И дома меня, наверное, все будут считать очень смелой. Мне кажется, что если бы я свалилась с крыши даже самого высокого дома, то это было бы не так необычно, как провалиться в такой колодезь».

Когда она закончила, сестра поцеловала её и сказала:
– Это, в самом деле, удивительный сон! Ну, а теперь беги скорее пить чай; уже поздно.

Алиса побежала домой и на бегу думала о том, какой странный сон ей приснился. А сестра её продолжала сидеть, глядя на заходящее солнце, и думала о необыкновенных приключениях, которые приснились Алисе.

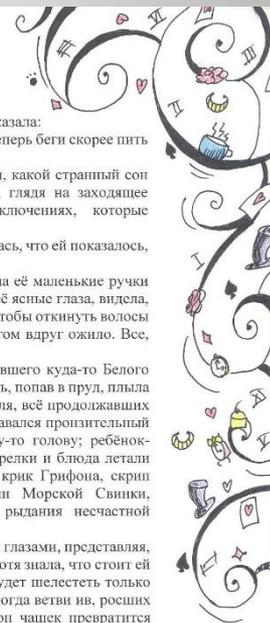
Потом она закрыла глаза и так глубоко задумалась, что ей показалось, как будто и она сама тоже видит сон.

Сначала она думала об Алисе. Она чувствовала её маленькие ручки у себя на коленях, слышала её голос, смотрела в её ясные глаза, видела, как она по своей привычке встряхивает головой, чтобы откинуть волосы со лба. И в то же время ей казалось, что всё кругом вдруг ожило. Все, кого видела Алиса во сне, были теперь здесь.

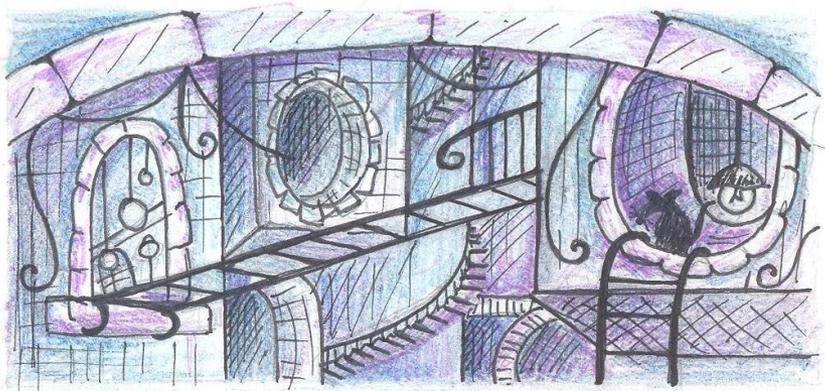
Высокая трава шелестела под лапками спешившего куда-то Белого Кролика; слышался лёгкий плеск воды – это Мышь, попав в пруд, плыла к берегу; чашки Мартовского Зайца и его приятели, всё продолжавших своё бесконечное чаепитие, громко звенели; раздавался пронзительный голос Королевы, приказывавшей отрубить кому-то голову; ребёнок-поросянок чихал, сидя на руках у Герниогини; тарелки и блюда летали и разбивались вдребезги, а издали доносились крик Грифона, скрип грифеля маленького Билла, сдавленные вопли Морской Свинки, которую засовывали в мешок, и отчаянные рыдания несчастной Черевродехахи.

Сестра Алисы продолжала сидеть с закрытыми глазами, представляя, что это она сама очутилась в волшебной стране, хотя знала, что стоит ей открыть глаза, и всё тотчас же исчезнет: трава будет шелестеть только от ветра; плеск воды будет слышен лишь тогда, когда ветви ив, росших на берегу пруда, закачаются и коснутся её; звон чашек превратится в звон колокольчиков пасущегося стада, крик Королевы – в покрикивание мальчишки-пастуха, чиханье ребёнка, скрип грифеля маленького Билла и все другие звуки – в смешанный неясный гул, доносящийся с фермы, а рыдания печальной Черевродехахи – в далёкое мычанье коров.

Потом она стала думать о том, как её маленькая сестрёнка вырастет и станет взрослой; какое у неё будет доброе и любящее сердце – такое, как и теперь; как она будет собирать около себя детей и, чтобы доставить им удовольствие и заставить блеснуть их глазки, станет рассказывать им разные чудесные истории, а может быть, вспомнит и свои приключения в волшебной стране, которые видела во сне, когда сама была ребёнком, и как она будет сочувствовать их детским горестям и радоваться их радостям, возвращаясь мыслями в счастливые летние дни своего детства.

КОНЕЦ

Глава I

А ихорадочная гонка по туннелям продолжалась уже четыре дня. Она бежала, спотыкаясь, падая и снова вставая. Она давно не ела, совсем обессилела, была измучена, и каждая следующая дверь давалась ей все труднее.

К концу четвертого дня ей удалось найти укрытие — крошечный закуток глубоко под землей. Здесь можно наконец выспаться, здесь безопасно — решила она, искренне надеясь, что так оно и есть.

* * *

Мистер Круп нанял Росса на Плавучем рынке, который на этот раз проходил в Вестминстерском аббатстве.

— Считай, что это наш кенар, — сообщил он мистеру Вандемару.

— Будет нам петь? — удивился тот.

— Это более чем маловероятно, — ответил мистер Круп, приглаживая свои гладкие рыжие волосы. — Называя его кенаром, я думал не о вокальных данных этой птицы, а о том, как ее используют шахтеры.

Мистер Вандемар кивнул. «Ага, точно, канарейка в шахте», [Шахтеры прошлого брали с собой в угольные шахты канареек, поскольку эти птицы чувствовали метан в атмосфере шахты задолго до того, как его концентрация становилась опасной.] — наконец дошло до него.

В самом деле, мистер Росс был ничуть не похож на кенара: огромный (почти как мистер Вандемар), грязный, бритый наголо и немногословный.

Обернувшись, он поглядел на стену, на которой нарисовал дверь.

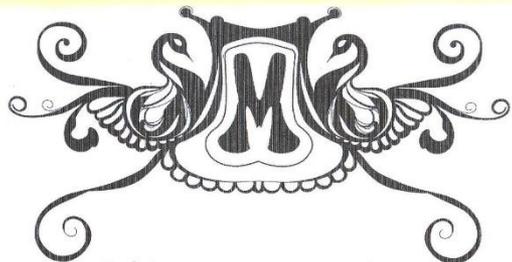
В стене темнел проем. А в нем, театрально скрестив руки на груди, стоял человек. Он не двигался до тех пор, пока не убедился, что Ричард его видит. А потом широко зевнул, прикрыв рот темной рукой.

— Ну? — нетерпеливо спросил маркиз Карабас, вскинув бровь. — Идешь или нет?

Ричард мгновение глядел на него, а потом кивнул, не решаясь заговорить, и поднялся с тротуара.

И они ушли в проем, за которым была темнота, вместе, не оставив ничего в этом мире.
Даже двери.

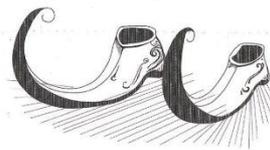
Маленький Мук

Это было давно, в моем детстве. В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трепку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

С тех пор Маленький Мук живет в нашем городе. Ты видишь, как много он испытал. Его нужно уважать, хоть с виду он и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал все это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

Вильгельм Гауф
1825

Глава 1

Коралина нашла дверь почти сразу после того, как они переехали. Это был очень старый дом с мансардой под самой крышей и подвалом. Его окружал заросший сад с огромными старыми деревьями. Дом был большой, и семье Коралины принадлежала только его часть. В доме жили и другие люди.

Мисс Спинк и мисс Форсибл, две пухленькие маленькие старушки, жили на первом этаже, под квартирой Коралины. Они держали дряхлых шотландских терьеров, которых, кажется, звали Хэмиш, Эндрю и Джок. Как при первой же встрече сообщила Коралине мисс Спинк, когда-то они обе были актрисами.

— Знаешь, Каролина, — сказала мисс Спинк, — и я, и мисс Форсибл в свое время были знаменитыми актрисами. Мы собирали толпы, милочка. Не позволяй Хэмишу есть фруктовое пирожное, а то он промучается животом всю ночь.

— Меня зовут Коралина, а не Каролина. Коралина.

Над Коралиной, прямо под крышей, жил чудачковатый старик с огромными усами. Он сказал ей, что дрессирует цирковых мышей, но смотреть, как он это делает, никому не разрешает.

— Однажды, малышка Каролина, когда номера будут готовы, весь мир увидит мой чудесный мышиный цирк. Спрашиваешь, почему тебе нельзя посмотреть прямо сейчас? Ты ведь об этом хотела бы меня попросить?

— Нет, — ответила Коралина спокойно, — я хотела бы попросить вас не называть меня Каролина. Мое имя Коралина.

— Причина, по которой ты не сможешь посмотреть мышиный цирк прямо сейчас, — продолжал старик с верхнего этажа, — в том, что номера еще недостаточно отрепетированы. К тому же мышки исполняют песенку, которую я для них написал. Все мои песенки для мышей нужно играть в ритме «ту-дум, ту-дум». А белые мышки играют только «пам-пам», вот так. Я думаю попробовать кормить их другим сортом сыра.

Никто еще не обнимал ее так с тех пор, как она ушла из театра.

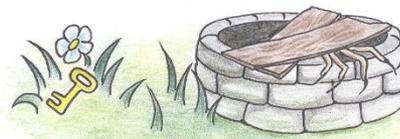
На ночь Коралина чисто вымылась, почистила зубы, легла в кровать и стала смотреть в потолок. Было тепло, и теперь, когда руки не стало, она широко открыла окно и попросила папу не задергивать до конца шторы.

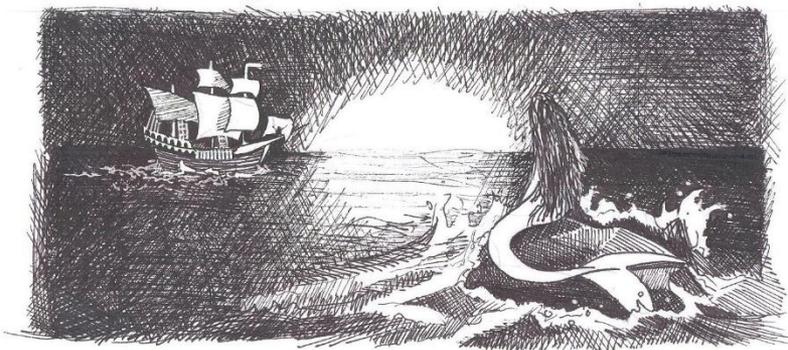
Ее новая школьная форма аккуратно висела на стуле. Завтра она проснется и наденет ее. Коралина чувствовала тревогу и внимательно вслушивалась в ночную тишину, но, вспомнив, что ничего страшного, кроме школы, ее не ждало, успокоилась.

Она вообразила, что где-то далеко в ночи зазвучала нежная музыка. Такие звуки могут издавать только крошечные серебряные тромбоны, трубы и фаготы, так могут играть на крошечных тубах и флейтах лишь тоненькие розовые пальчики белых мышей.

Коралина представила, что вернулась в свой сон и сидит на лужайке под раскидистым дубом с двумя девочками и мальчиком, и улыбнулась.

Когда на небе зажглись первые звезды, Коралина наконец уснула, а из окна на верхнем этаже, разливаясь в теплом вечернем воздухе, звучала тихая музыка, рассказывая всему миру, что лето кончилось.

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки хороших васильков, и прозрачная, как хрусталь, — но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна: на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, чтобы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут удивительнейшие деревья и цветы с такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями их шныряют маленькие и большие рыбки, точь-в-точь как у нас здесь птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по приливу и отливу; выходит очень красиво, так как в середине каждой раковины лежит по жемчужине такой красоты, что и одна из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла его старуха мать — женщина умная, но очень гордая своим родом; она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить только по шести. Вообще же она была особа достойная, особенно потому, что очень любила своих маленьких внуков. Все шесть принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими, синими, как море, глаза-

И русалочка протянула свои прозрачные руки к Божьему солнышку и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с невестой искали ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу невесту в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет и мы войдем в Божье царство! Может быть, и раньше! — прошептала одна из дочерей воздуха. — Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и, если найдем там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся, и срок нашего испытания сокращается на целый год; если же встретим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долговому сроку нашего испытания еще лишний день!

